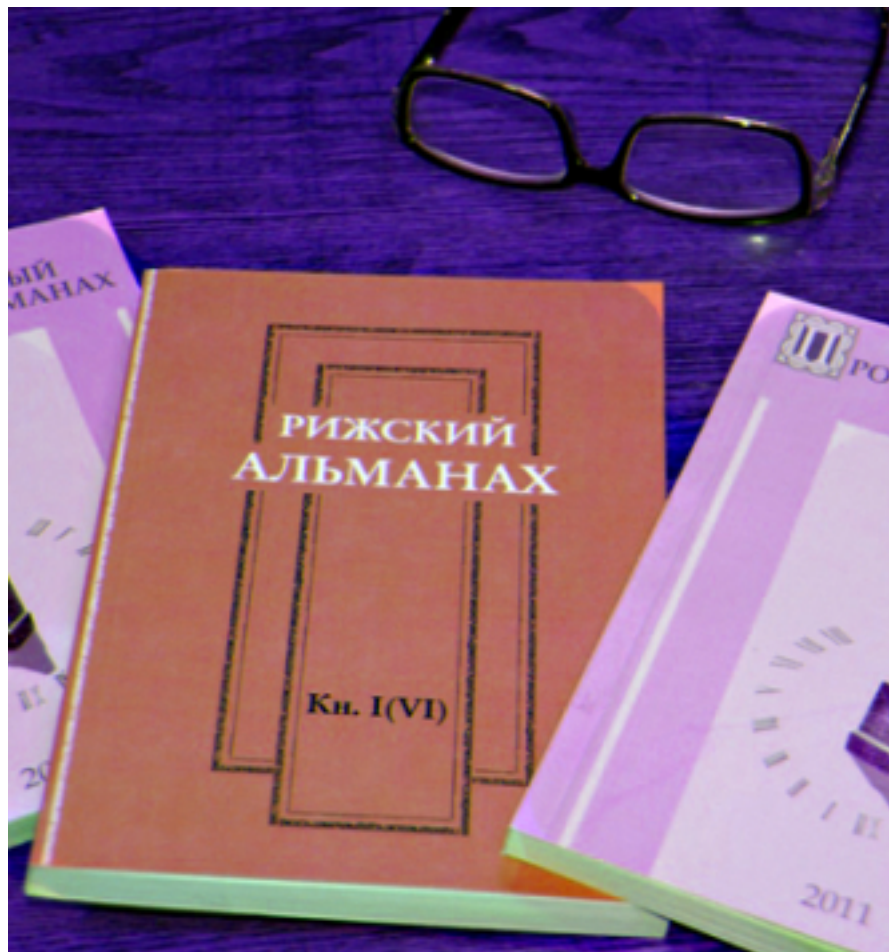

Приз симпатий издания "Рижский альманах" - публикация на его страницах произведений авторов - участников Международного литературного конкурса "7-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2018".

Обладателями "Приза симпатий" ежегодного издания "Рижский альманах" на Международном литературном конкурсе "7-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2018" объявляются:

Конкурсная подборка 113. "Сви-ри-ри" .

За стихотворение "Ловля солнца"

Автор: Елена Борова (Россия)
Сатирическое творчество

Автор: Елена Крайковская (Россия)
Сатирическое творчество

Автор: Елена Таранова (Россия).
СП

Фильм "Огонь на воде" / Бюро "Кубодумира" Пожарной пожарной - 2017"

Батлиман - Батлиман (от ирландия термин) Нем Пискар Батлиманок русск Мей дун

Исходные данные: Исходный текст – «Космос – это мир, в котором мы живем». Между

На исторички припадници су "Кулбаи Мурат" и "Варош" јединица 2015. Међун

Публикация в журнале "Рижский альманах" посвящена памяти Олега Александровича

Рижский альманах" посвящен памяти Олега Александровича. Публикация в журнале "Рижский альманах" посвящена памяти Олега Александровича.

Публикация в журнале "Рижский альманах" посвящена памяти Олега Александровича.

Публикация в журнале "Рижский альманах" рассказывает его главный редактор - [Ирина](#).

«Рижский альманах» ставит перед собой задачу быть

зеркалом, отражающим на своих страницах современную литературу, создаваемую в Латвии на русском языке в диалоге с латышской культурой и литературой, а также во взаимосвязях с культурами стран Балтики и других ближайших соседей, расширяя по мере возможности круг общения.

В новейшем, 4-м выпуске, стоит обратить внимание на некоторую переключку в творчестве двух крупнейших европейских поэтов второй половины 20-го столетия - **Наум а КОРЖАВИНА и Ояра ВАЦИЕТИСА**

. А именно - упоминание о Братском кладбище в Риге: в одноименном стихотворении Наума Коржавина, написанном в начале 60-х годов (в 1962 году это стихотворение высоко оценила Анна Ахматова) и в стихотворении Ояра Вацietиса (1933 – 1983), созданном в самом начале восьмидесятых...

Взгляд издания нередко обращен в прошлое. В новейшем номере он сосредоточен в трех разделах: **"Воспоминания", In Memoriam и "Память и беспамятство"**. На презентации 4-го номера эта тема послужила импульсом к состоявшемуся разговору о свойствах человеческой памяти - насколько можно доверять рассказчикам о прошлом, реально ли воссоздать историческую картину, основываясь на художественном творчестве очевидца и не сопоставляя его с другими свидетельствами, в том числе – документальными (исследованиями историков, письмами, статистическими данными и пр.).

Круг авторов «Рижского альманаха» от номера к номеру постепенно и последовательно расширяется. Есть среди них и совсем молодые. Главный критерий отбора новейших текстов, в том числе – созданных юными дарованиями – индивидуальность творческого почерка.

ИЗ НОВОГО - ЧЕТВЕРТОГО - ВЫПУСКА АЛЬМАНАХА...

Наум КОРЖАВИН Братское кладбище в Риге

Кто на кладбище ходит, как ходят в музеи,
А меня любопытство не гложет – успею.
Что ж я нынче брожу, как по каменной книге,
Между плитами Братского кладбища в Риге?

Белых стен и цементных могил панорама.
Мать-Латвия встала, одетая в мрамор.
Перед нею рядами могильные плиты,

А под этими плитами – те, кто убиты. –
Под знаменами разными, в разные годы,
Но всегда – за нее, и всегда – за свободу.

И лежит под плитой русской службы полковник,
Что в шестнадцатом пал без терзаний духовных.
Здесь, под Ригой, где пляжи, где крыши косые,
До сих пор он уверен, что это – Россия.

А вокруг все другое – покой и Европа,
Принимает парад генерал лимитрофа.
А пред ним на безмолвном и вечном параде
Спят солдаты, отчизны погибшие ради.
Независимость – вот основная забота.
День свободы – свободы от нашего взлета,
От сиротского лиха, от горькой стихии,
От латышских стрелков, чьи могилы в России,
Что погибли вот так же, за ту же свободу,
От различных врагов и в различные годы.
Ах, глубинные токи, линейные меры,
Невозвратные сроки и жесткие веры!

Здесь лежат, представляя различные страны,
Рядом – павший за немцев и два партизана.
Чтим вторых. Кто-то первого чтит, как героя.
Чтит за то, что он встал на защиту покоя.

Чтит за то, что он мстил, – слепо мстил и сурово
В сорок первом за акции сорокового.
Все он – спутал. Но время все спутало тоже.
Были разные правды, как плиты, похожи.
Не такие, как он, не могли разобраться.
Он погиб. Он уместен на кладбище Братском.

Тут не смерть. Только жизнь, хоть и кладбище это...
Столько лет длится спор и конца ему нету,
Возражают отчаянно павшие павшим
По вопросам, давно остроту потерявшим.
К возражениям добавить спешат возраженья.
Не умеют, как мы, обойтись без решенья.

Тишина. Спят в рядах разных армий солдаты,
Спорят плиты – где выбиты званья и даты.
Спорят мнение с мнением в каменной книге.
Сгусток времени – Братское кладбище в Риге.

Век двадцатый. Всех правд острия ножевые.
Точки зренья, как точки в бою огневые.

Елена Васильева
Из цикла «Дорожные этюды»

6

И вот – Сиваш! А нам пилить до Ялты.
Никак не кончится желдор,
мне надоели игры в карты,
хочу немедленно в Мисхор!
Там в море плещется "Русалка",
к Ай-Петри мчит фуникулёр.
Мы прозевали?! Ах, как жалко,
ведь души рвутся на простор.
... Не знала я о пересадке,
и сразу, выйдя на перрон,
спросила, где тут "Мухалатка",
где Старый Крым и Ланжерон,
где Коктебель, где, как их, Сочи,
Волошин, Чехов, Пушкин, Грин?
Даёшь мне пляж и море, срочно!
Не то уеду в Ригу, блин...
Ах, долог путь к Бахчисараю!
(Гора Костель или Костыль!)
К "Фонтану слёз" мы подгребаем,
но где же Пушкин?.. След простыл.
Он здесь чужой... Завяли розы,
Зарема плачет под чадрой,
нет ни Поэзии, ни прозы –
есть только прах и пыль, и зной.
И стало мне в Бахчисарае
не по себе, пора – в Гурзуф.
И тут – всё то же, те же раны,
"светильник разума" потух...
Уже не хочется ни Ялты,
ни Воронцовского дворца...

Выходит, не одни прибалты
забыли русского Певца.

Забыли? ...Нет! виновны сети
«демократической» весны.
Народы малые, как дети,

им только фантики важны.

1994, 2007, 2013 г.г.

Кирпичная стена, пролом...

Кирпичная стена, пролом... Зияет пустота.
Вхожу как в дом – туннель чернее ночи,
и света нет в конце тунеля... Впрочем,
конца здесь тоже нет...
В зеркальной сфере двое – ты и я.
Хочу бежать – путь замурован в камень.
Случайный взгляд на сущность бытия
во мне рождает боль непониманья.
И как понять, и вспомнить, если дым
застил проем – ошиблась с Изначалья,
напрасно я бежала из Орды,
рабою быть – других не опечалить.
...а я живу, как будто вмерзла в лед,
вода ушла, засох на дне шиповник,
но страшный голос надо мною: "Вспомни!"
И я ищу в себе веков минувших след,
как будто жду Всевышнего ответ.

2011-2013 гг.

Отыщу твой бревенчатый дом

Отыщу твой бревенчатый дом
на краю подмосковной деревни.
Ты же встретишь меня, а потом
будет ночь моего прегрешенья.
Долго буду стоять у крыльца,
буду ждать твоего возвращенья...
На могиле твоей – два лица,
это ты и твоё воскрешенье.
...Задохнулась я чёрной тоской
и решила уехать от мужа,
чтоб к тебе прикоснуться рукой,
понимаешь: никто мне не нужен...
Обманули и сны, и любовь,
после смерти наш путь бесконечен...

Здесь безжизненно стынет твой кров,
без надежды на скорую встречу.
Ты ошибся, и я не права,
кто-то свыше послал нам проклятье.
Что бы я ни сказала, слова
будут просто звучать как слова,
и бесчувственно, и без понятия.

2013 г.

ИЗ ТРЕТЬЕГО ВЫПУСКА...

Григорий Гондельман

* * *

В часы, когда с неба летят световые куски,
Писцы заполняют пространствами смыслов страницы,
Но им не избыть неизбывную сладость тоски,
Покуда на север летят одуревшие птицы.
Лекарства от скуки всё клянчат больные мозги,
Но вместо конфетки – сухарик из пресного теста.
Здесь, в истинных сумерках, глаз не увидит ни зги,
Теряясь в циклических ссылках священного текста.

Я плавлюсь, как плавится пленное пламя свечи,
Люмены лучей умирают в обугленной нити.
Кому и о чем рассказать ей в кромешной ночи?
Темница души не вмещает телесных наитий.

Но всходит кровавая дважды над морем заря,
И чуждую мудрость не в силах прочесть ученицы
Наощупь холодных кленовых листов октября,
Бесспорным решением которых синеют ресницы.

Салфетка-бабочка

Салфетка-бабочка, струящийся поток
в полуслепом предутреннем полете
раскроется как огненный цветок,
забыв на миг о невесомой плоти.

Комок тончайший, не сходи с ума,
Спит в янтаре сестра твоя живица,
Что пудра, что румяна, что сурьма –

Цветов пыльца на зеркальце ложится.

Не оборачивайся – за твоей спиной
от чашек чайных и от кружек в пене
закружит в невесомости земной
салфетка словно девочка на сцене.

Она трепещет в танце крыльев-рук
И в воздухе парит в двойном полете,
Очерчивает запоздалый круг
И замирает, позабыв о плоти.

Но этого не будет с ней, пока
всё тянется порыв ее служенья
на ласточкиных крыльях сквозняка
и бегство от земного притяженья...

